

УДК 81'371

ЭМОТИВНОСТЬ РОМАНТИЧЕСКОГО ДИСКУРСА В АНГЛОЯЗЫЧНОЙ КОММУНИКАЦИИ

Т. Г. Ренц

*Волжский
гуманитарный
институт (филиал)
Волгоградского
государственного
университета*

*e-mail:
trents@yandex.ru*

Статья посвящена проблеме эмотивности романтического дискурса. Анализируются разнообразные лексические и грамматические эмотивные единицы, эксплицирующие эмоции романтических партнеров в процессе общения. Выявляется эмоциогенный характер рассматриваемых эмотивных знаков.

Ключевые слова: романтический дискурс, эмотивность, эмоциональность, эмотивная функция.

Языковые структуры, в которых выражаются эмоции и оценки, достаточно подробно исследованы как в отечественном, так и зарубежном языкознании. В этой связи особо следует отметить работы Н. Д. Арутюновой, А. Н. Баранова, Е. М. Вольф, В. Г. Гака, В. Н. Телия, В. И. Карасика, В. И. Шаховского, A. Wierzbicka, P. Ekman, C. E. Izard и др. В них дается тщательный анализ языковых и речевых репрезентаций эмоций и оценок в высказывании и тексте. Эмотивность играет важную роль и в организации дискурса, поскольку любое слово дискурсивно и может быть эмоционально заряженным. Отсюда естественный интерес к рассмотрению вопроса о реализации эмоций в различных типах дискурса, в частности, политическом, медиальном, научном, профессиональном и т. д. [В. В. Жура, В. И. Шаховский, Е. И. Шейгал и др.]. Вместе с тем, не получив, на наш взгляд, должного рассмотрения в этом аспекте романтический дискурс. Цель статьи заключается в том, чтобы восполнить этот пробел и выявить организующую роль и специфику эмоций в романтическом дискурсе.

Аксиоматичным является утверждение, что эмоциональная составляющая человеческого сознания противопоставляется интеллектуально-логической. В этой связи можно утверждать, что метаязыковое сознание закрепило представление о романтическом дискурсе как межличностном общении, в котором эмоции превалируют над рассудком. Иначе говоря, мы исходим из того, что эмоциональный фактор играет существенную роль в исследуемой коммуникации, а наличие эмоциональных проявлений в ней является облигаторным. Несомненно, разные типы дискурса различаются по степени проявления эмотивности, типам эмоций, их характеру, каналам и средствам реализации в процессе общения и т. д. Можно предположить, что романтические партнеры проявляют как положительные, так и отрицательные эмоции, такие как восхищение, нежность, привязанность, сопереживание, любовь к партнеру, ревность и т. д. Однако следует признать, что вести речь о каких-либо специфических «романтических» эмоциях представляется неправомерным, поэтому мы остановимся на рассмотрении универсальных эмоций, реализующихся в романтическом общении.

В процессе взаимодействия интерактанты осознают «присутствие» друг друга, вследствие чего их коммуникативное поведение подвергается изменениям. Во-первых, можно наблюдать переориентацию индивида в пространстве и времени, называемое в психологии «объективным самоосмыслением», а во-вторых, вербальное поведение участников романтического взаимодействия становится «вынужденным, то есть связанным с ограничениями, вызванными «наличием» другого индивида» [1, с. 31]. Вследствие этого, апелляция к эмоциям является мотивирующим фактором воздействия на собеседника в процессе общения.

Анализ материала показал, что для романтической коммуникации характерны два кластера эмоций. Позитивные эмоции передают любовь, радость, счастье, страсть,

нежность, сердечность и др., и, как правило, преобладают в общении романтических партнеров. Негативные, то есть неприязненные эмоции, к числу которых относятся ревность, зависть, неуважение, реже гнев, ярость и т.д., также могут иметь место в общении романтических партнеров, однако демонстрация таких эмоций не согласуется с успешной коммуникацией, они приводят к нестабильности в отношениях. Отсюда следует, что, если целью романтических партнеров является сохранение, поддержание соответствующих отношений, то интерактанты в большем объеме будут выражать позитивные эмоции по отношению к собеседнику, нежели негативные. Добавим также, что особый тип интимно-личностного общения способствует формированию креативной многомерности, вариативности речевого поведения, в котором в распоряжении романтических партнеров находится широкий спектр имеющихся эмотивных средств для реализации своих интенций. Иными словами, в дискурсивной деятельности личность романтического партнера раскрывается во всей своей полноте.

В эмотиологии, как известно, различается *выражение* эмоций и *сообщение* о них: выражаются эмоции интонацией, особыми лексическими средствами, эмотивными предложениями, которые могут иметь как специфическую структуру, так и представлять собой переосмысление структур, обычно используемых для описания событий. Сообщение об эмоциях и оценках обнаруживается, как правило, в предложениях, описывающих переживания третьего лица, либо первого лица в настоящем времени. С этой целью используются специфические способы, например, описание жестов, сопровождающих выражение чувств, и т. д. [2; 3; 4; 5 и др.].

Как справедливо замечает А. Хеллер, эмоции всегда когнитивны и ситуативны [6, с. 172], из чего следует, что и выбор языковых средств репрезентации эмоций тоже ситуативен. Вербально-знаковым оформлением типических ситуаций взаимодействия людей, как известно, являются речевые жанры, исследованию которых были посвящены многочисленные труды отечественных ученых (Н. Д. Арутюнова, А. Вежицка, К. Ф. Седов, Т. В. Шмелева и др.). Мы рассмотрим лишь те из них, в которых эмотивность проявляется наиболее ярко.

Известно, что знакомство осуществляется в условиях реального установления контакта и начинается с приветствия, коммуникативная цель которого заключается в привлечении внимания собеседника. Объективированные в доброжелательной манере, инициальная и ответная реплики приветствия обуславливают динамику развития романтического дискурса. На первый взгляд, в таком жанре, как приветствие трудно обнаружить эмотивные компоненты, однако наш анализ доказывает обратное. Специфика эмотивности в нем проявляется в том, что в процессе общения происходит изменение его [жанра] эмоциональной тональности, которая связана с изменениями характера общения в целом, его интимизацией.

В жанре приветствия адресант актуализирует его главную функцию – инициировать речевой контакт с потенциальным романтическим партнером. Важное условие осуществления данного речевого акта, по мнению Дж. Р. Сёрля, заключается в том, «что произнесение данного высказывания свидетельствует об учете признания слушающего говорящим» [7]. Автором приветствия в романтической коммуникации является человек, проявляющий интерес к «другому». Эмотия *interest* входит в состав базовых эмоций, выделяемых зарубежными исследователями [8; 9 и др.]. В намерения инициатора романтического общения входит: 1) произвести впечатление на собеседника, вызвать интерес к своей персоне; 2) установить контакт с собеседником и направить свои усилия на его поддержание. Решение первой задачи, таким образом, обуславливает продуцирование инициальной реплики приветствия. Оно должно быть репрезентировано такими языковыми средствами, которые помогут реализовать вторую часть этой цели, то есть поддержать контакт с собеседником. Иными словами, приветствие должно быть в достаточной степени эмотиогенным, чтобы была реализована задача поддержания контакта.

В коммуникативных ситуациях, в которых реализуется жанр приветствия, предпочтение одних языковых средств другим определяется, прежде всего, его коммуникативно-прагматическими характеристиками. Результат жанра приветствия находит свое отражение в перлокутивном эффекте, то есть «воздействии на <...> поведение или эмоциональное состояние адресата» [10, с. 70]. В романтическом общении в условиях возможности обратной связи перлокутивный эффект приветствия выражается в виде аналогичного (эмотивного) ответного приветствия или любой другой формы ответной реакции. Эмоциогенность приветствия, предпочтение того или иного способа реагирования (или игнорирование приветствия) могут быть обусловлены как лингвистическими, так и экстралингвистическими факторами. К первым мы относим языковые способы и приемы приветствия, используемые адресантом, ко вторым – условия, в которых протекает общение (контактность, определенная социальная дистанция, визуализация, одномоментность, непрерывность и др.). Критериями верности выбора языковых единиц, реализующих жанр приветствия, являются результативность и эффективность воздействия на партнера по общению.

Исследование показывает, что наиболее распространенной формой приветствия в ситуациях знакомства потенциальных романтических партнеров является формула *hello*, причем нередко с использованием семы лица. Ср.: *“Hello, Joshua,” she said sweetly. “It’s wonderful being here, especially since you appear to be such pleasant company.”* (J. Connor. Jasmine. www).

В рассматриваемом примере посредством приветствия реализуется одна из максим – максима доброжелательности (она же максима симпатии) [11, с. 132 – 138], которая создает благоприятную атмосферу. О том, что приветствие эмотивно свидетельствует интонация, с которой она была произнесена – *she said sweetly*, а также последующая реплика собеседницы, содержащая в себе эмотивную лексику: *wonderful, such a pleasant company*.

Приветствия выступают в качестве языкового механизма регулирования дистанции общения, сигнализируя о возможности ее [дистанции] изменения. Подтверждением сказанного может служить и отсутствие такой формулы на более поздних этапах романтического общения, а также замены вербальной формы на невербальную (объятия, поцелуй). Ср.: *Dino had had a long and very trying nine months, but everything was compensated for when he looked up and saw the expression of incredulous, bewildered delight on Fen’s face, the expression on which left him in absolutely no doubt about how she felt.*

“You’ve gone blond again,” she muttered.

“I know. I didn’t seem to score with grey hair.”

“Oh Dino, Dino!” she cried, and tumbled off Hardy into his arms. He kissed her fiercely she had no doubt of his feelings towards her (J. Cooper. Riders, p. 863).

Анализ фрагмента показывает, что начало встречи Дино и Фенеллы после долгой разлуки прошло с «нарушением» этикетных правил: вместо традиционной формы приветствия собеседники используют высказывания, задающие тему будущей беседы. Языковое воплощение жанра (*You’ve gone blond again, I know, I didn’t seem to score with grey hair*) связано с реакцией на внешний вид одного из романтических партнеров. В конкретной эмоциональной ситуации преобладают эмоции коммуникантов, которые выражаются восклицаниями, синтаксическими повторами и проявляются в их невербальном поведении. Отсюда следует, что романтические партнеры могут отказаться от приветствий, демонстрируя значительное отступление от регламентаций и стереотипности, что, однако, не лишает эмоциональности ситуацию в целом.

Особенностью эмоций в исследуемом типе дискурса является то, что они всегда индивидуальны, лично направлены и реализуются в ситуациях, имеющих свой эмоциональный, интимно-личностный профиль. Вместе с тем, каким бы ни было индивидуальное выражение коммуникантом эмоций, существует набор клишированных средств, используемых в типизированных коммуникативных ситуациях. Помимо приветствий, одним из средств эксплицитного выражения эмоционального отношения к собеседнику являются обращения, которые не только задают определенный стиль об-

щения, но и вызывают у адресата определенные ожидания, дают ему соответствующую субкодовую информацию, в соответствии с которой он выводит прагматические инференции [12]. Такими средствами являются аффективы, понимаемые как эмотивы, значение которых для данного слова является единственным способом означивания отраженной эмоции без ее называния. К аффективам принято относить междометия и междометные слова, лексику обзывания и ласкания, бранную (нецензурную) лексику [5]. По утверждению В. И. Шаховского, говорящий, выражая свои эмоции, прежде всего выражает свое отношение к предмету речи, а не стремится вызвать какую-либо эмоцию у слушающего. Отсюда первичной функцией эмотивов автор считает эмоциональное самовыражение, утверждая также, что для него не всегда релевантно воздействует ли эмотив на слушающего или нет [там же]. Данное мнение, на наш взгляд, можно принять с оговоркой, поскольку в исследуемом типе коммуникации прагматика практически всегда входит в интенцию говорящего. Сказанное, в свою очередь, означает, что функция воздействия пресуппонируется эмотивным значением используемых эмотивных единиц и реализуется в тех случаях, когда при выражении эмоций присутствует цель. Такой целью может стать, например, изменение негативного эмоционального состояния собеседника на позитивное в конфликтной ситуации ссоры, то есть, когда речевые действия говорящего при обращении к адресату направлены на стимуляцию положительной эмоциональной поведенческой реакции. Анализ фактического материала показывает, что обращения, выраженные уменьшительно-ласкательными формами имен *Eddie, Billee (Billy), Maggie, Teddy, Jackie* и др., то есть формы обращений, не маркированные эмотивностью, но произнесенные с соответствующей интонацией, вполне могут быть использованы для решения данной цели, становясь, таким образом, интенциональными: *“Adam, if you were in trouble, you’d tell me, wouldn’t you?” questioned Charlie, growing concerned.*

“That would depend on the trouble,” he smiled, jokingly.

“Please be serious, for one moment,” pleaded Charlie.

“Charlie-girl,” Adam consoled her, “there’s nothing wrong. The only present trouble I have, can be solved with bug spray!”

Посредством обращения *Charlie-girl*, произнесенного с особой интонацией, говорящий реализует конкретное прагматическое значение, заключенное в предикате *consoled*. Иначе говоря, оно передает эмоцию утешения, конечным итогом которой является реализация интенции говорящего доставить удовольствие собеседнице.

Однако гораздо чаще с этой целью используются другие формы адресативов. К ним относятся контактные и дистантные повторы апеллятивов, формы, сопровождаемые притяжательным местоимением *my*, двойные (или тройные) обращения *sweet + имя, (my) lovely + имя, (my) dear + имя, little + имя, (my) dearest + имя* и др., субстантивированные формы прилагательных *darling, dear* и т.д., апеллятивы *baby, honey, sweet, sweetheart, sweetie, love, angel* и др., уменьшительно-ласкательные прозвища. В конкретной ситуации они реализуют конкретную прагматическую задачу.

Эмоциональные адресативы выступают в качестве коммуникативных единиц, имеющих ярко выраженную стратегическую направленность – оказать на адресата соответствующее эмоциональное воздействие. При этом эмоциональное содержание, «наведенное» на используемые говорящим обращения, порождает, на наш взгляд, эмоциональный эффект, ядро которого социально типично и выражается в положительном или отрицательном знаке эмоций и их модальности. Структура обращений определяется реальными свойствами конкретной ситуации, а также значимостью этих свойств для говорящего в момент речи. Варьирование языковых моделей обращений представляет собой важнейший источник информации об эмоциональном состоянии коммуникантов, поскольку их семантика демонстрирует коммуникативную близость, эмоциональную сензитивность по отношению к партнеру. Ср.: *“Honey, they will adore you,” says Henry. “You look perfect; a Nice Young Man.”* (A. Niffenegger. *The Time Traveler’s Wife*, p. 178).

“**Angel**,” he whispered so softly that she wasn’t sure she’d heard him correctly. ... Then, “Please...don’t leave me...**Angel**” [J. Connor. Jasmine. www]

For the first time since he arrived, her eyes met his.

“That’s all right, **dear**. You go and enjoy yourself,” she smiled sadly (Ch. Wharton. Losing. www).

“**Pet**, please, you look as if you are going to the electric chair.” (J. Cooper. Riders, p. 749).

“**Darling little Fen**, tell me what turns you on.” (J. Cooper. Riders, p. 658).

“**Lovely lady**, I’m sorry if I hurt you with my teasing.” (F. H. Arnold. Not My Will, p. 47).

Используемые формы адресации свидетельствуют об определенном эмоциональном настрое коммуникантов, который влияет на тональность их высказываний в целом. Одно можно утверждать с очевидностью, что подобные эмотивные варианты обращений, которые в наиболее чистом виде выражают эмоциональные интенции коммуникантов, эксплицируют особое отношение говорящего к собеседнику, улучшают эмоциональное состояние адресата, но главное, детерминируют аналогичное эмоциональное отношение со стороны слушающего, то есть имеют эмотиогенный характер.

Аксиоматичным считается утверждение, что одним и тем же словом, фразой можно выразить не только различные оттенки одной и той же эмоции, но и разные, даже противоположные эмоции [2; 5; 13 и др.]. При этом считается, что эмотивное значение слова не является отражением эмоций только данного говорящего; оно не является индивидуальным, а, наоборот, представляет собой обобщенное отражение эмоции. Сравним следующие примеры:

1) “Goodbye, **darling**. I’ll see you in the fall.” Choking back the tears that were threatening to come, she drew his head down and kissed him, gave him a push through the gate, and almost ran away from the station (F. H. Arnold. Not My Will, p. 58);

2) “Chad, what’s this?”

“Just what I said. Home...I’ve rented this apartment...”

“Oh, **darling**, this is wonderful,” she exclaimed (F. H. Arnold. Not My Will, p. 77);

3) “I’ve missed you. I’ve been so so miserable.”

“Me too,” he groaned. “**Oh darling**, we’ve been so dumb.” (J. Cooper. Riders, p. 863).

Как мы видим, примеры подтверждают справедливость утверждений, представленных выше: в примерах (1) и (2) один и тот же коммуникант, используя обращение **darling**, выражает эмоцию грусти, одиночества (1) и эмоцию радости и счастья (2), а в последнем примере (3) говорящим выражена эмоция сожаления. Разумеется, изменение семантики этого эмотивного адресатива осуществляется с опорой на все высказывание и коммуникативную ситуацию в целом.

Как показывает анализ, эмотивные адресативы включаются в эмотивный фонд романтической коммуникации и адекватно используются участниками романтического взаимодействия. Следовательно, в такого рода обращениях эмотивная семантика является пресуппозицией эмотивной функции адресативов и успешно реализует ее.

Несомненный интерес в контексте проводимого исследования заслуживает также тот факт, что и лексические единицы, не имеющие эмотивного компонента в своей семантике, в специфических контекстах приобретают его и выполняют эмотивную функцию: “**Lady of the Lake**, get me straight on this,” Chad said honestly, looking straight into the little face (F. H. Arnold. Not My Will, p. 92).

“Ho-hum, it’s almost eleven o’clock. Come on, **Almost-Red-Head**, let’s call it a day.” (F. H. Arnold. Not My Will, p. 54).

“You are all mine, **Little Dove**.” (J. Bronte. Journey of the Heart, www).

Участники взаимодействия используют стилистически сниженные знаки контактоподдержания и благорасположения. У адресанта либо возникают определенные ассоциации с теми именованиями, которые он употребляет в речи, обращаясь к собеседнику (**Little Dove**), либо он апеллирует к известным поэтическим образам (**Lady of the Lake**), либо располагает конкретными знаниями личного характера о своем собеседнике –

особенности внешности, поведения и проч. (*Almost-Red-Head*). В использовании таких обращений проявляется специфика романтического дискурса, актуализируемая в коммуникативной естественности (что чувствую, то и говорю), эмоциональности (свободное выражение эмоций) и эмотивности (говорю то, что приятно собеседнику). В процессе романтического общения, как показал исследовательский материал, начиная с момента знакомства, формы обращения претерпевают качественные изменения: когда адресат становится «своим», «близким», «действуют иные правила: здесь уже не нужно демонстрировать формальное уважение, поскольку известна мера дружбы и любви» [14, с. 10]. Развивая эту мысль, добавим, что мера любви между романтическими партнерами детерминирует использование тех или иных эмотивных обращений. Иными словами, переход от формальных обращений к более интимным формам свидетельствует об эмотивном динамизме обращений в романтическом дискурсе.

Анализ фактического материала показывает, что эмотивную функцию можно считать отличительной чертой романтического дискурса, которая обусловлена конкретными целями общения. Иными словами, эмоциональной пресуппозицией контекстуально-функциональной эмотивной семантики выступает категориальная ситуация, то есть условия, в которых эта единица реализуется, и интенции коммуникантов. В приведенных выше примерах, как следует из контекста, существенную роль играет и интонация, с которой произнесены обращения.

Таким образом, эмотивные обращения являются своего рода маркерами прагматической функциональной установки в романтическом дискурсе и представляют собой один из важных языковых механизмов вариативной интерпретации эмотивности исследуемого типа дискурса. Эмотивность и эмотивные обращения в нем соотносятся как детерминации, то есть односторонние зависимости, при которых один член предполагает существование другого, но не наоборот (термин Л. Ельмслева). Поясним сказанное: эмотивные адресативы являются маркерами эмотивности в романтическом дискурсе, однако категория эмотивности не обязательно предполагает их наличие в речи коммуникантов, она может быть выражена широким репертуаром других эмотивных средств. К ним мы с полным основанием можно отнести жанр комплимента.

Аксиоматичным является утверждение, что явления эмоции и эмотивности тесно связаны с понятием оценки, то есть эмоции определяются как субъективная форма оценки. Говоря об этой связи, М. Я. Ягубова указывает, что «феномен оценки заключается в разнообразных логических или / и эмоциональных реакциях человека на познаваемую действительность, возникающих при сравнении ее с идеализированной моделью мира» [15, с. 133]. В качестве познаваемой действительности в романтическом общении могут выступать, например, отношения между коммуникантами и связанная с этим речевая и неречевая деятельность участников романтического взаимодействия по осуществлению эффективной коммуникации. В центр такого «познания» ставится объект любви, выбор которого представляет собой конкретное предпочтение одного лица среди множества, его ценностная идеализация. Именно концентрация внимания человека на одном объекте, гармоничность целостности переживаний и стремление выделить лучшие, на его взгляд, черты партнера по коммуникации становятся мотивом продуцирования гиперболизированных оценок, то есть комплиментов. Наличие их в романтическом дискурсе, кроме всего прочего, обусловлено эмоциональной речеповеденческой интерактивностью, характерной для интимно-личностных отношений. Тесная связь оценочности и эмотивности в слове, высказывании идет оттого, что эмоция и оценка участвуют синхронно в актах отражения и познания, представляя в них, по мнению В.И. Шаховского, выражение субъективной стороны результатов, оценивающих отношения отражающего субъекта к отражаемым объектам и их свойствам [5]. Ср.: *“But since I first saw you on Friday, I haven’t been able to think of anything except how sweet you are.”* (F. H. Arnold. *Not My Will*, p. 36).

“You are so frank, so splendid!” (H. Wells. *Ann Veronica: A modern Love Story*, p. 34).

"You are the most beautiful, the most desirable thing I have ever met in this world." (H. Wells. *Ann Veronica: A modern Love Story*, p. 214).

"You did a wonderful job, Maggie! I think this dinner is going to be a success, after all!" (J. Bronte. *Greatest of These*. www).

"Thank you for a wonderful and 'exciting' evening," she told him. "You're a wonderful cook and a wonderful singer and a wonderful piano player." (J. Connor. *Jasmine*. www).

Апелляция к эмоциям в приведенных примерах осуществляется через употребление многочисленных комплиментов в адрес партнера по общению. Коммуниканты осознанно прибегают к дискурсивной гиперболизации как средству сближения с собеседником, уменьшению эмоциональной дистанции, интимизации общения, что достигается посредством интенсификаторов *so, how, I haven't been able to think of anything, I have ever met in this world*, эмоционально-оценочных единиц, в том числе с суперлативными лексемами *wonderful, sweet, the most beautiful, the most desirable* и лексическими повторами прилагательного *wonderful* и т. д.

Причем, для обеспечения более сильного воздействия на адресата говорящие используют широкий спектр эмотивных средств. Следует однако подчеркнуть, что варьирование не должно быть чрезмерным, так как в этом случае, по мнению В. Г. Гака, адресат не может уследить за «скачками мысли» говорящего [3, с. 22].

В работах эмотиологов указывается, что при выражении эмоций и оценок нередко проявляется закон триады: троекратное повторение одного и того же эмотива, указание на три особенности объекта или предмета, которому дается оценка: **"You are kind and gentle and good."** (J. Bronte. *Journey of the Heart*. www).

"And you are a wonderful nurse, and listener and excitement maker." (J. Connor. *Jasmine*. www).

В результате такой грамматической организации впечатление от сказанного усиливается, то есть достигается интенсивность высказывания, причем и качественная, и количественная. Однако следует заметить, что в данном случае речь не идет о градуальности интенсификации высказывания. Здесь более уместно говорить об эмотивной плотности высказывания, под которой мы понимаем насыщенность эмоционального информационного потока эмотивами. Следует также подчеркнуть, что экспликация эмоций, как правило, сопровождается самыми разнообразными невербальными знаками: **"You look beautiful, Charlie-girl," Adam sighed tenderly** (J. Bronte. *Greatest of These*. www).

"You look absolutely breathtaking," Joshua told her, his eyes seeming to soak up her image [J. Connor. *Jasmine*. www].

Наряду с эмотивами *beautiful, absolutely breathtaking* в выражении говорящими эмоций восхищения участвуют аускультационные (*sighed tenderly*) и окулесические (*his eyes seeming to soak up her image*) знаки.

Таким образом, подчеркнем, что комплименты, реализуемые в процессе общения обоими коммуникантами, можно считать маркерами эмотивности романтического дискурса.

К специфическим чертам эмотивности романтического дискурса мы относим незначительную по объему группу перформативных высказываний – эмотивных перформативов, в которых, как справедливо указывает Е. И. Шейгал, конвенциональные предикаты используются в качестве средств не выражения эмоций, а совершения эмоциональных действий [16, с. 181]. Обратимся к примерам: *Jasmine offered him words of sympathy which he accepted. But it didn't take long for his general good humor to return. By the time they pulled into Joshua's driveway, they were all bursting with excitement* (J. Connor. *Jasmine*. www).

Контекст, в котором функционирует эмоциональный предикат *offered him words of sympathy*, комментирует речевое действие говорящего как выражение эмоции сочувствия, поддержку собеседника в трудную минуту. Подобные речевые действия, как правило, направлены на установление тесного эмоционального и психо-

логического контакта между собеседниками. В нашем текстовом материале были выявлены перформативы приглашения, признания, предостережения, благодарности, извинения, обещания и т. д.

Ср.: *What made it even worse, was the fact that Charlie sharply refused to let Adam be near her, and didn't even allow him to help take care of her* (J. Bronte. *Greatest of These*. www).

"Don't you dare think you can get off that easily!" warned Charlie with a smile. "I haven't forgotten that you ran out on me, when you promised to be here! I had to face your sister WITHOUT you! And that was no small matter." (J. Bronte. *Greatest of These*. www).

Эмоциональные предикаты в перформативных высказываниях носят формульный характер и нередко сочетаются с интенсификаторами (*apologize gracefully, humbly; thank warmly, sincerely, effusively, volubly; refuse completely, outright, point-blank; insist stubbornly; admit openly* и т. д.). Перформативы направлены на адресата, а наличие интенсификаторов в сочетании с перформативными глаголами придает настойчивость действиям говорящего: *The next few weeks were filled with patience and practice, until Dan realized that Bridget had memorized the entire duet by heart. To Bridget's horror, he took away her sheet music and insisted positively that she start playing it from memory – something Bridget was sure she couldn't do* (A. Niffenegger. *The Time Traveler's Wife*, p. 187).

В заключение подчеркнем, что эмоции в романтическом дискурсе всегда лично ориентированы, субъективны, индивидуально дифференцированы и динамичны. Мотивирующим фактором воздействия в романтическом дискурсе является эксплицитная или имплицитная апелляция к эмоциям. Спецификой эмотивности романтического дискурса является активная экспликация в нем эмоций восхищения, любви, счастья, радости и других положительных эмоций, которые выражаются в речи коммуникантов посредством гиперболизированных оценок, комплиментов, эмотивных обращений (эмотивных адресативов) и т. д., чтобы оказать воздействие на собеседника, вызвать у него аналогичные или противоположные эмоции. Эмотивность в романтическом дискурсе реализуется также посредством перформативов, эмотивный статус которых определяется их особыми функциями в коммуникативных ситуациях романтического общения. Значительная часть выражаемых эмоций и оценок дополняется невербальными, экстра- и паралингвистическими компонентами.

Список литературы

1. Trenholm S., Jensen A. *Interpersonal communication*. NY, Oxford: Oxford University Press, 2007. – 464 p.
2. Вольф Е. М. Функциональная семантика оценки. – М., 1985. – 228 с.
3. Гак В. Г. Синтаксис эмоций и оценок // Функциональная семантика: оценка, экспрессивность, модальность. In Мемогіам Е.М. Вольф. – М., 1996. – С. 20 – 31.
4. Филимонова О.Е. Категория эмотивности в английском тексте (когнитивный и коммуникативный аспекты): автореф. дис. ... докт. филол. наук. – СПб: Российский государственный педагогический университет им. А.И. Герцена, 2001. – 44 с.
5. Шаховский В.И. Лингвистическая теория эмоций: Монография. – М.: Гнозис, 2008. – 416 с.
6. Heller A. *A Theory of Feelings*. – Lexington Books, 2009. – 224 с.
7. Сёрль Дж.Р. Что такое речевой акт // Новое в зарубежной лингвистике. Вып. 17: Теория речевых актов. – М.: Прогресс, 1986. – С. 151 – 170.
8. Brown R., Henle P. *Language, Thought and Culture*. University of Michigan Press, 1981. – 273 p.
9. Lewis M., Naviland-Jones J.M., Feldman Barret L. *Handbook of Emotions*, 3rd edition. The Guilford Press, 2008. – 848 p.
10. Федосюк М. Ю. Исследование средств речевого воздействия и теория жанров речи // Жанры речи. – Саратов: Изд-во ГосУНЦ «Колледж», 1997. – С. 66 – 88.
11. Макаров М. Л. Основы теории дискурса. М.: Гнозис, 2003. – 280 с.
12. Leech G. *Principles of Pragmatics*. 1983. – 250 p.
13. Pugnire D. *Rediscovering emotion*. Edinburgh University Press, 1998. – 140 p.

14. Формановская Н. И. Социально-культурная сущность речевого этикета // Речевой этикет: семантика и прагматика / Московский лингвистический журнал. Т.7. № 2. – М., 2003. – С. 9–20.

15. Ягубова М. А. Оценки и эмоции // Язык и эмоции / Сб. науч. тр. – Волгоград, 1995. – С. 133–142.

16. Шейгал Е. И. Политические эмоции и их дискурсивное проявление // Язык и эмоции: номинативные и коммуникативные аспекты: Сб. науч. тр. к юбилею В. И. Шаховского. – Волгоград: Волгоградское научное изд-во, 2009. – С. 175 – 183.

EMOTIVENESS IN ROMANTIC DISCOURSE

T. G. Rents

*Volzhsky
Institute
of Humanities,
the branch of
Volgograd
State
University*

*e-mail:
trents@yandex.ru*

The article deals with the problem of emotiveness in romantic discourse. Analyzed are diverse lexical and grammatical emotive units that explicit manifold emotions of romantic partners in the process of communication. Revealed is the emotionalized character of the examined verbal emotive signs.

Key words: romantic discourse, emotiveness, emotionality, emotive function.